

*Коулу, Блэзу и Луизе,
и еще Амелии*

Сущность его мы постигли
лишь долгое время спустя.

*Ральф Уолдо Эмерсон.
Эссе: вторая серия*

ПОСЛЕДНИМИ ОКАЗАЛИСЬ ДЕВОЧКА И ЕЕ отец, жили они у старого восточного хребта, на склоне горы, которую называли одиноко стоящей горой. Мужчина пришел туда с женщиной, когда они были молоды, и построил дом из бревен и вытасненных из земли камней, скрепив их смесью болотной грязи и песка. Дом стоял на полпути к вершине горы и смотрел на озеро, окаймленное березами и черничником, — летом кусты тяжелели от ягод, которые девочка с отцом собирали, плавая вдоль берега на каноэ. Из окошка в передней стене дома — стекло женщине подарили родители, а им оно досталось от предыдущего поколения, так что успело стать особой драгоценностью, ибо искусство его изготовления было забыто и утрачено, — девочка видела, как орлы ловят рыбу на отмели возле островка, который поднимался из воды в середине озера, и слышала крики гагар по утрам, пока над очагом готовился для нее завтрак.

ЗИМНИЕ СНЕГОПАДЫ НАЧИНАЛИСЬ ВСКОРЕ ПОСЛЕ осеннего равноденствия, и даже когда весна полностью вступала в свои права, над горой иногда вьюжило. Метели не утихали по многу дней и даже

недель, дом обступали сугробы, снега на тропах наметало столько, что в нем тонули деревья, что поменьше. Мужчине случалось ходить за дровами или пробираться в сарай у кромки леса, обвязав себя веревкой вокруг пояса.

Но когда ветер стихал, небо расчищалось и вновь показывалось низкое солнце; мужчина тепло укутывал маленькую дочку, выходил с ней в зимнюю тишину и скользил над сугробами в снегоступах из ясеневых прутьев, подбитых невыделанной шкурой, направляясь к замерзшему озеру: там они целый день ловили подо льдом форелей и окуней.

Снег почти полгода покрывал весь девочкин мир от вершины горы до озера, так что, глядя в окно, она только и видела что мирно спящий пейзаж под одеялом белизны.

НО СКОЛЬКО БЫ ЗИМА НИ ДЛИЛАСЬ, НЕИЗМЕННО наступала весна, входила тихо и немного неожиданно, подобно птичьей песне при пробуждении или стуку водяных капель, что падают с ветки на землю. Когда снег подтаивал, из-под однотонного покрова появлялись черные камни, серый лишайник и бурые листья, а тонкие серебристые силуэты деревьев на фоне скоплений сосен и болиголова раскрашивались зеленью листвы. В такие дни девочка по утрам выходила с отцом из дома и вглядывалась в новый мир, который выпирал из распутицы в лесу и выныривал из воды у берегов озера, — в эти дни она лежала на земле под теплым солнцем и гадала: а вдруг мир и время — это ястреб и орел, которые взмывают над ней по широкой ду-

ге, причем она знает, что это лишь короткий отрезок их полета, потому что у него есть начало и конец, и они находятся в месте, которого она пока не видит, о котором пока не ведаёт.

Был, впрочем, на все четыре времени года один особый день, который девочка особенно любила: летнее солнцестояние. Самый длинный день года. В этот день — так ей сказал мужчина — она родилась. Он завел обычай делать дочери подарок в канун солнцестояния. Как она получала первые подарки, ей не запомнилось, но они от этого не стали ей менее дороги. Птичка, вырезанная из дерева, совсем как живая — сейчас вспорхнет. Сумочка из оленьей шкуры, прошитой жилами, когда-то мамина, — в ней девочка держала цветные камушки, которые находила у озера. Чашка из цельного куска дуба, из которой она пила. Расписная черепаха, которая медленно вышла из раскрытых ладоней мужчины, — все лето она прожила у девочки дома, а осенью была отпущена на волю возле озера.

В тот год, когда девочке исполнилось пять, отец дал ей после ужина миску свежей земляники и сказал: сегодня у меня для тебя особый подарок.

Он протянул ей берестяную коробочку, которую обвивал длинный травяной стебель, завязанный бантиком. Девочка развязала бантик, открыла коробочку. Внутри лежал серебряный гребень, ярко начищенный, — она никогда в жизни не видела ничего подобного.

Она долго не сводила глаз с гребня, пока мужчина не прервал молчание.

Он принадлежал твоей маме, сказал он. Я выжидал, когда придет время тебе его подарить. Увидел, как ты сражаешься с волосами возле озера, и подумал: вот этот год и настал.

Она протянула руку, достала гребень и положила на ладонь, будто очень хрупкую и чрезвычайно ценную вещицу.

Какая прелесть, сказала она тихо, сжала гребень в кулачке, а потом вкралась отцу в объятия и крепко его обняла.

ГОЛОС МУЖЧИНЫ ЗВУЧАЛ У ДЕВОЧКИ В УШАХ, сколько она себя помнила, она и не задумывалась о том, говорил ли с ней раньше хоть кто-то еще. Но когда она подросла и начала выходить из дома, углубляться в лес и спускаться к озеру, она заметила в мире животных одну странность. Две лисицы выскакивали из дупла в поваленном дереве и возвращались обратно вместе со своими лисятами. Две гагары каждое лето сопровождали маленького птенчика по глубокой воде в середине озера. А когда она видела оленей, что паслись весной на лужайке у подножия горы, рядом с ними всегда были оленята. И вот теперь, после того как девочка поучилась протягивать гребень сквозь волосы, а мужчина подоткнул ей на ночь одеяло и поцеловал перед сном, она посмотрела на него и спросила: а почему ты один?

Он встал на колени рядом с ее кроватью.

Я не один, сказал он. У меня есть ты.

Знаю, сказала девочка. Вот только куда ушла моя мама? Ты про все вещи здесь говоришь, что когда-то они принадлежали ей. А ее самой нет.

Она здесь, сказал мужчина. Мы же с тобой про нее помним.

Но саму ее я не помню, возразила девочка. Что с ней случилось?

Мужчина опустил голову, потом поднял снова и рассказал дочери, что, когда они с женщиной похоронили своих родителей, пришли на гору и построили дом, она была для него всем миром и некоторое время он верил, что они останутся жить в этом мире вдвоем до конца дней. Пока она не обнаружила, что у нее будет ребенок.

Я, сказала девочка.

Ты, подтвердил мужчина. Но когда подошел срок, ей пришлось сильно потрудиться, чтобы привести тебя в этот мир. И после этих трудов она могла только кормить тебя молоком и отдыхать. Она была сильной. Ей хватило сил пережить лето, до самой осени, обеспечить тебе нужное пропитание. Но пришел час, когда я понял: она уйдет от нас туда, куда увел ее непосильный труд — вынашивание ребенка, а нам с тобой в те края путь заказан. Однажды вечером, перед охотничьей луной, она уснула и не проснулась.

Мужчина отвернулся и немного посмотрел во тьму, потом вновь повернулся к дочери. Она села в кровати, высвободила руку из-под одеяла, сжала его ладонь.

Не переживай, сказала она. Я все понимаю.

Он улыбнулся и сказал, ты у меня умница. Но пока понимаешь далеко не всё. А многого и понимать не надо. До срока.

Чего, например? — спросила она.

Ну, например, что даже спустя все эти годы, когда мне каждую минуту каждого дня нужно было

думать о тебе, я все еще думаю о ней. Все еще скучаю, все горюю, что ее нет рядом.

Девочка снова опустила голову на подушку.

А по тебе я буду скучать когда-нибудь? — спросила она.

Когда-нибудь, подтвердил мужчина.

Девочка замолчала, мужчина подумал, что она заснула, но потом она обратилась в темноту с другим вопросом: а тебе грустно, что вместо нее с тобой я?

Нет, что ты, вовсе нет! — ответил мужчина голосом, прозвучавшим слишком громко для этой комнаты, и крепче сжал руку девочки. Во все нет. Видишь ли, ты — моя радость, которая сильнее печали и тоски о том, что было когда-то. Без тебя...

Голос стих, мужчина устремил глаза в пол, потом — снова на дочь.

Без тебя я был бы совсем один, сказал он.

А я бы была одна без тебя, сказала девочка.

Вместе с летними сумерками в окно комнаты прокрадывался отсвет луны, и мужчина видел на лице девочки очерк лица женщины.

Я знаю, что мы с тобой сделаем, сказал он. Завтра мы заберемся на вершину горы — там лежит твоя мама. Она очень любила эту гору. Говорила, что вершина похожа на медведя. Я хочу, чтобы ты это увидела. Согласна?

Да, сказала девочка.

Вот и хорошо, прошептал мужчина и поцеловал ее в лоб еще раз, а потом укутал поплотнее. Тогда спи спокойно. Завтра нас ждет долгий подъем.

Девочка перекадилась на бок, свернулась под одеялом калачиком и уснула — еще до того, как за окном угас лунный свет.